

УДК 908

ЗАСЕЛЕНИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЙ БЫТ ЗАУРАЛЯ ПО ПУБЛИКАЦИЯМ А.Н. ЗЫРЯНОВА В «ПЕРМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЯХ»

КНЯЗЕВА Дарья Валерьевна,соискатель кафедры отечественной истории и документоведения,
Курганский государственный университет

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются публикации А.Н. Зырянова в «Пермских губернских ведомостях», касающиеся заселения, создания и формирования Шадринского уезда Пермской губернии, повествующие о жизни уездного города Далматова. В этих работах использовались архивные документы XVII–XVIII вв., большая часть которых была впоследствии утрачена.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: краеведение, периодическая печать, провинция, Пермская губерния, заселение, юридический быт.

KNYAZEVA D.V.,Postgraduate Student of the Department of National History and Document Science,
Kurgansky State University**SETTLEMENT ACTIVITY AND LEGAL LIFE OF ZAURALYE IN A.N. ZYRYANOV'S
PUBLICATIONS IN "PERM PROVINCE BULLETIN"**

ABSTRACT. The article discusses publications of A. N. Zyryanov in "Perm Province Bulletin" regarding settlement, foundation and development of Shadrinsk district in Perm province, and telling about the life of the county town Dalmatovo. In these works archival documents of the XVII–XVIII centuries were used, most of which were later lost.

KEY WORDS: local history, periodicals, province, Perm province, settlement, legal life.

Известный в Зауралье краевед Александр Никифорович Зырянов, получив возможность в 1850-х гг. работать в архивах, опубликовал в 1860–1870-е гг. результаты своих научных изысканий в «Пермских губернских ведомостях» (далее – ПГВ). Они были озаглавлены исследователем как «Материалы для описания Шадринского уезда», «Материалы для истории заселения Зауральского края», «Материалы для истории юридического быта» и печатались в газете периодически, после официальных известий. К сожалению, сохранились не все номера газеты с работами краеведа, но даже по имеющимся в распоряжении современных исследователей материалам можно составить достаточно полную картину того, как А.Н. Зырянов по доступным ему данным реконструировал историю заселения и формирования Шадринского уезда.

Повествование А.Н. Зырянова начинается с рассказов о Далмате, который жил «на левом берегу р. Исети, в пещере» в 1644 г. [1, с. 3], и о создании Д.И. Мокринским Далматовского монастыря. Исследователь отмечает, что вновь прибывавших на эту территорию людей привлекала распространявшаяся в народе слава о святом подвижнике Далмате, а также благодатная почва, привольные пастбища. Поэтому уже в 1678 г., пишет А.Н. Зырянов, Далматовский монастырь сосредоточил в своих руках управление все возрастающим населением края [1, с. 3].

А.Н. Зырянов называет основные населенные места, которые в 1640–1650-е гг. «по приходе русских жильцов в Сибирь образовались»: слобода

Служня, деревни Нижнеярская, Верхнеярская и др. Позднее они горели, но вновь восстанавливались жителями. С течением времени численность населения увеличивалась. В 1662 г. слободчиком Юрием Соловьевым были основаны к северо-востоку от монастыря в Тобольском уезде слободы Шадринская и Архангельская с острогом на левом берегу р. Исети. В качестве жителей этих слобод набирались вольные охочие люди, не бражники и не беглые, а для обработки земли и возможности осесть и обзавестись хозяйством слободчик «давал им льготы» в податях на 4 года. Рост населения этих слобод и деревень сдерживался практиковавшимися переводами семей в Каменский завод, в появившиеся с 1736 г. пограничные крепости (Миасская, Челябинская, Чебаркульская) [1, с. 3].

Представляет интерес вопрос об особенностях политики власти на новых территориях и о взаимоотношениях пришлого русского люда с местным населением – «татарами», башкирами. В опубликованном А.Н. Зыряновым в 1871 г. в ПГВ «Документе на заведение Буткинской слободы, состоящей в Шадринском уезде Пермской губернии» указано: «Было известно ранее, что земля эта «порожня», ни кем не занята «и русские люди и татарове... впредь на той земле не жили... и та земля лежит впусе истари и на той порожней земле слободу построить можно и Великому государю будет прибыль». Приказ об устройстве слободы в 1676 г. получили пашенные крестьяне Ивашка Сылвин и Терешка Иванов, которым воевода Петр Шереметьев дал указную память на устройство слободы в То-

больском уезде на устье Бутки-речки. С местным населением велено жить мирно – «с татарами жить несорно». Если появятся калмыки, то следовало писать в Тобольск Шереметьеву. Для охраны слободы предписывалось набирать казачьих детей не за жалование, а за пашню: «И чтобы те служили добро, в зернь и карты не играли и ружье, которое дано будет, не проигрывали». В этом документе приказывалось «крестьян в тое новую слободу призывать из гулящих вольных прохожих людей и не беглых крестьян... призывать их на денежный оброк, на льготные годы, а льготы давать им по 3 и по 4 года», «в новой слободе строиться, не воровать, из слободы не бежать, а пашню пахать с великим радением». Настрой на мирную жизнь, а не постоянные столкновения с местным населением подтверждается стремлением развивать торговлю: если приедут торговцы, пусть торгуют, брать пошлины законно, а «собранные деньги и записные книги посылать в Тобольск» [2, с. 152].

Возможность мирного, дружеского сосуществования разных народов подтверждает также «Предупреждение Шадринскому приказчику Гаврилу Лукичу от Алексея Фефелова» о том, что «идут в Сибирь войною башкирцы и калмыки». Кроме того, сами башкирцы сообщали об этом же. Как видим, не все представители местного населения были против русских поселенцев. Так, башкирец Зимагузя Ишкарин сам пришел в Катайский острог с известием о набеге и предупреждении, чтобы русские береглись [3, с. 172].

Зауральские крестьяне стремились к порядку и отстаиванию своих прав, что иллюстрирует заметка А.Н. Зырянова «по вопросу об отводе земли шадринцам». В ней он описывает твердое намерение крестьян отстоять землю, предоставленную их предкам «на строительство и освоение на застройки» уставной грамотой боярина Репнина от 1673 г. В противном случае они намерены «писать челобитную Голицыну в Тобольск», т.е. жаловаться дальше в более высокие инстанции [4, с. 147].

Возникавшие жизненные проблемы крестьяне предпочитали решать с помощью добровольных соглашений. Краевед приводит в качестве примера устный договор между крестьянами Красномыльской слободы и Шадринского острога о том, чтобы скот первых по Исети свободно не плавал и не уходил ко вторым, «поскотинный двор огородить за Исетью-рекою», а красносельские крестьяне поступают «по Мыльниковой деревне мерою же» [5, с. 142]. Данный договор был совершен, по сообщению А.Н. Зырянова, в судной избе Красномыльской слободы, а начальство об этом поставило в известность Дмитрий Дементих, который, скорее всего, был там дьяком.

Документы конца XVII – начала XVIII вв. показывают нам далеко не слабых и безропотных работников, но знающих и имеющих смелость обращаться в самые высокие инстанции и даже к царевичам Иоанну и Петру, а затем и к Петру Алексеевичу как к единовластному государю. Таков документ «от гулящих людей на слободчика Красномыльской слободы Михаила Павлова», который вместо того, чтобы землю для десятинной пашни дать, как было обещано крестьянам, идущим добровольно осваивать Сибирь, «требует посулы большие в свой карман», а земли не дает [6, с. 129–130]. Крестьяне Шадринской слободы не желали отвечать за чужие провинности и неисполнение царского указа о создании хлебных запасов (магазинов) вместо людей,

которым надлежало выполнять этот указ, о чем они писали в жалобе Петру I «на растрату магазейного хлеба», выражая просьбу наказать виновных в этом конкретных людей – Григория Шарыгина и Федора Денисова [7, с. 133].

Увеличение количества населения на зауральских землях подтверждается «Извлечением из указа Тобольской губернской канцелярии, данного Катайскому острогу выборным челобитникам от 3 июня 1779 года», основанном на переписи дворянина Полозова. Документ касается села Катайского, расположенного на левом берегу р. Исети в Камышловском уезде в 136 верстах от Екатеринбурга и 77 верстах от Шадринска. А.Н. Зырянов отмечал, что в его время это было «богатое место для хлебной торговли». Подробнейшим образом расписано, кто там проживал и чем занимался – от попа, пашни не пахущего и имеющего покос на 300 копен, до татарского толмача Мурзина родом из алатырских татар. Кроме того, указывалось, что село располагало 860 десятинами земли, 58 дворами беломестных казаков и 269 крестьянскими дворами. Оброк выплачивался в основном хлебом, иногда деньгами – до 1 руб. Иногда катаяцам доставляло беспокойство передвижение башкирцев из-за камня вместе с черемисами и чувашами, но их попытки вымогать у крестьян оброки за рыбную ловлю не имели успеха [8, с. 161–162].

А.Н. Зырянов часто описывал бытовые случаи, которые рассматривались в судной избе: от драк и побоев, брани и угроз до явного грабежа и бесчестия. Так, была подана жалоба на то, что в доме у жалобщика хотели человека ножом и обломком косы зарезать. И этому были свидетели (они все перечислялись). Хотя обвиняемый отпирался, говорил, что был «пьяной» и ничего не помнит, а люди на него напраслину возводят, но он был наказан – бит батогами [9, с. 385]. В другом случае речь шла о бесчестии и грабеже, а жалобу подавал Кузка Попов на Василия Мякушкина, крестьянина Сухриной деревни, куда Попов приехал по служебным делам – «для высылки пашенных крестьян и переписки». Мякушкин вышел со своего двора, стал бить Попова, снял с него серебряный крест, а его жена пострадавшего Попова всячески обзывала. Были длительные разбирательства этого дела, но завершилось все относительно благополучно для обвиняемых, поскольку была просьба не доводить это дело до суда, а решить все миром, «не дожидаясь решения судного дела» [10, с. 371].

В большинстве опубликованных А.Н. Зыряновым документов указывается одно наказание – битье батогами. Так, в деле «О побоях» в судную палату обратился Калинин Бакачев на Офоньку Павлова за то, что тот бил его до крови и воров назвал. На очной ставке выяснилось, что Павлов не бил Бакачева, а лишь называл его плутом, так как он жену своего товарища-конокрада прятал. В результате к порке батогами приговорили обоих [10, с. 371]. Гришка Казанец с товарищами обратился в судную избу с тем, что у Мишки Яковлева умерла жена Федосьица, а они слышали, что он ее сильно бил. На допросе жены заявителей показали, что «жену свою Яковлев кулаками сильно бил, но не до смерти», и она от него сбежала. В результате саму Федосьицу приговорили к битью батогами за побег, а Яковлева также выпороли за то, что он жену свою бил [11, с. 307]. «Битье батогами нещадно» можно было получить не только за бытовые преступления, но и за «неисполнение приказа об отсылке пороху и

свинца в Катайский и другие остроги». Так, не выполнившего приказ Гавриилу Назимов приговорили «посадить в тюрьму на день», а беломестных казаков и пашенных крестьян, которые не дали ему этого сделать, – нещадно пороть.

В то же время были возможны мировые соглашения, даже если речь шла о краже платья и одежды в Далматовской пустыне, в чем сначала обвинили паломников, но затем пришли к соглашению самим уладить проблему и не давать ход челобитной [11, с. 307].

В публикации 1876 г. А.Н. Зырянов рассмотрел материал тяжбы 1699 г. об отсечке хвостов у скота. Пашенные крестьяне Барневской слободы написали челобитную Петру I на отставного драгуна Василия Мартынова, который портил их скот – подрубал коровам хвосты. В ходе разбирательства выяснилось, что Мартынов делал это, чтобы отучить чужой скот портить свое сено в стогах, так как хозяева от потравы отпирались. Дознание же показало, что потрава была. Сам обвиняемый Мартынов также написал челобитную о возможности разрешить этот вопрос самостоятельно и мирно: предлагал наложить на себя штраф в казну в сумме 50 руб. в случае, если на него будут повторные челобитные. А.Н. Зырянов отмечал тот факт, что данный процесс показывает любовь к самосуду у зауральских крестьян, их несдержанность, неумение спрогнозировать последствия, а происходило это, по мнению

краеведа, «от недостатка развития и отсутствия грамотности» [12, с. 177].

Описывая случай «Об отыскании лошади», он показал, как долго и безуспешно некоторым людям приходилось доказывать свою правоту. Так, крестьянин Гришка Ларюнов так и не смог доказать, что пропавшая лошадь принадлежит ему, поскольку нашлось множество «свидетелей», опровергавших его заявление, и в результате рассмотрения этого дела он свою лошадь так и не получил [13, с. 218–219]. Судя по публикациям А.Н. Зырянова, односельчане могли в определенных случаях (драка, брань, угрозы) брать обвиненного на поруки, под подписку. Встречались обычные драки из-за земли. Из-за безденежья большинства крестьян штрафы назначались очень редко, обычно они заменялись для «подлого», простого сословия битьем батогами. Часто мы можем лишь предполагать, чем закончилось то или иное дело, так как бумаги нередко не имели окончания, и А.Н. Зырянов либо не давал своих комментариев к тексту, либо просто публиковал его, отмечая, «чем кончилась эта прятя тоже неизвестно, потому что конца этого дела я не нашел».

В целом можно отметить, что в своих публикациях в «Пермских губернских ведомостях» А.Н. Зырянов предоставляет разноплановую картину жизни крестьян Зауралья, акцентируя внимание на то, что они стремились разрешать возникающие проблемы на основе закона, через судную избу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пермские губернские ведомости [Текст]. – 1866. – № 1.
2. Пермские губернские ведомости [Текст]. – 1871. – № 30.
3. Пермские губернские ведомости [Текст]. – 1871. – № 4.
4. Пермские губернские ведомости [Текст]. – 1871. – № 29.
5. Пермские губернские ведомости [Текст]. – 1871. – № 28.
6. Пермские губернские ведомости [Текст]. – 1871. – № 25.
7. Пермские губернские ведомости [Текст]. – 1871. – № 26.
8. Пермские губернские ведомости [Текст]. – 1871. – № 32.
9. Пермские губернские ведомости [Текст]. – 1876. – № 63.
10. Пермские губернские ведомости [Текст]. – 1876. – № 61.
11. Пермские губернские ведомости [Текст]. – 1876. – № 50.
12. Пермские губернские ведомости [Текст]. – 1876. – № 30.
13. Пермские губернские ведомости [Текст]. – 1876. – № 36.